

Галина Смирнова

Река цвета неба

12+

Галина Смирнова

Река цвета неба

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смирнова Г. П.

Река цвета неба / Г. П. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Отмеряя дни и годы, жизнь течёт подобно большой реке и бывает то спокойной и безмятежной, как тихая водная гладь, то бушующей, наполненной штормовыми волнами бурных, ярких событий. Река жизни огромна, в ней есть любовь и радость, но есть печаль и потери, и только плот, на котором живёт мечта и вера, способен преодолеть ошибки и преграды долгого пути. Какая она, река жизни?

Содержание

Рассказы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рассказы

Сугроб

Любимая,

этот рассказ для тебя, ты поймёшь.

Сугроб находился на окраине дачного посёлка, около журчащего ручейка, в тени старой ели. И в этом не было бы ничего особенного, если бы не дата на календаре – первое мая.

В этот день я приехал на дачу и, оставив на потом разборку привезённых вещей, сразу же направился на прогулку в расположенный неподалёку лес. Далеко не заходил – побродил по опушкам, радуясь тёплому, солнечному дню, пению птиц и весенней свежести, а возвращаясь домой, увидел его.

Сугроб, видимый издали, белой глыбой возвышался среди молодой зелени, и вначале я подумал, что это гора строительного мусора, которую из-за возможной пыли желательно обойти. Но приглядевшись, я понял, что это снег.

«Наверное, плотный как лёд», – решил я, подойдя к сугробу.

А снег оказался довольно рыхлым, хотя и насыщенным влагой, его крупинки напомнили мне твои любимые серёжки с маленьким камушком жемчуга. Форма сугроба была похожа на белого медведя, лежащего на животе – вот забрался этот снежный мишка в наш звонкий весенний лес, развалился под елью у ручейка и заснул.

А вокруг сквозь толщу скомканных, прошлых листьев пробивалась юная трава, и цвели нежными облаками подснежники.

Я сорвал один – тонюсенький стебелёк, голубые атласные лепестки, округлые листья у основания, и таким беззащитным, маленьким и хрупким он был, что меня долго не покидало восхищение его отвагой и решимостью первопроходца весны.

Тут же появились пока ещё редкие семейки цветущих лютиков, одуванчиков, а чуть дальше, на пригорке, пестрели жёлтые островки мать-и-мачехи; по опушкам распушилась ольха, и вдоль дороги роскошными серёжками украсились тополя.

Но всех в своём весеннем наряде превзошли стройные красавицы берёзы – изумрудным бисером вился вокруг них и трепетал на ветру ажурный ореол только вылупившихся крохотных листьев.

И на всё это великолепие пробудившейся от зимнего сна природы грустно и мудро смотрел тающий сугроб. Он был одинок – нигде больше в окрестностях я не видел снега, почему-то он задержался именно здесь. Может быть, когда-то это была снежная горка, с которой весело съезжала детвора, может быть, сюда сбрасывали снег с расчищенных дорожек... Кто знает!

Сугроб таял и становился всё меньше с каждым днём.

На первый взгляд это было почти незаметно, но я оставлял метку – веточку ели, воткнутую в землю у задней лапы медведя. Каждый день я переставлял метку и видел, как отступает снег, а на его месте появляется трогательная, тоненькая травка.

Однажды, направляясь к сугробу, я увидел приближающихся к нему рабочих с лопатами. Волнение охватило меня, мне не хотелось видеть, как в сугроб вонзаются лопаты. Но рабочие, к моей радости, прошли мимо сугроба, который в этот день уменьшился больше, чем когда-либо.

Ещё я опасался дождя, я знал, что долгий, кропотливый дождь в одну ночь уничтожит сугроб. И дождя, как по заказу, не было. Стояла прохладная, солнечная, ветреная погода, и температура воздуха днём была около десяти градусов тепла.

Через пять дней сугроб уменьшился на треть, а через неделю наполовину.

К этому времени небесные посланники – подснежники отцвели, но капельками солнца рассыпались повсюду, незнакомые мне, крохотные, жёлтые цветы, похожие на звёзды.

В тот день я увидел, что сугроб из большого белого медведя превратился в маленького медвежонка.

Я наклонился и погладил его по голове:

– Спасибо тебе, белый медведь! Я не знаю как, не знаю почему, знаю только одно: ты странным образом помог мне – ты уходил и таял, и одновременно уходил и таял осколок льда в моём раненом сердце. Мой сбившийся с ритма мотор исправился, вздохнул и заработал с полной силой. Это – удивительное совпадение, и спасибо тебе, сугроб!

На следующий день, придя к сугробу под вечер, я обнаружил, что его нет.

Он исчез, не оставив ни следа, как будто его и не было.

Любимая,

Эту небольшую историю я рассказал так подробно для тебя, зная, как трепетно ты относишься к природе, зная, как ты наблюдательна и любознательна. Моё сердце сорвалось, его ранила наша последняя встреча.

Родная моя, лёд растаял...

твой С.К.

Школа шахматной игры

Шахматы – это жизнь.

Роберт Фишер

Однажды мне и Оле, моей жене, предложили путёвки в подмосковный санаторий.

Дело было в последних числах ноября, дачные заботы позади, урожай собран, заготовки сделаны, сад к зиме подготовлен, и тут эта путёвка.

– Что мне делать в санатории? – спрашивал я жену, надеясь на отказ. – Процедуры так называемые я не люблю, ты знаешь. Грибов в лесу нет, рыбалки нет, потому что и речки рядом нет.

– Там озеро есть недалеко, говорят, красивое, – робко возразила Оля.

– И вокруг этого озера мы с тобой будем гулять, так? – мне хотелось отговорить её.

– А почему бы нет? Лес, свежий воздух! А ещё в санатории есть библиотека, так что ты найдёшь что почитать, – она улыбнулась. – И есть клуб, в котором...

– Танцы, – закончил я.

– Да, я люблю танцевать. Что в этом плохого? – Оля обняла меня. – Но ты же рядом!

На огромной территории санатория находились построенные в стиле сталинского ампира старые трёхэтажные корпуса с колоннами, большими балконами и лепниной в виде пятиконечных звёзд в венке из колосьев. Были и более новые корпуса в духе минимализма хрущёвских пятиэтажек.

В одной из таких пятиэтажек мы и поселились. К нашему удивлению, номер оказался после недавнего ремонта и был чистым, просторным, светлым, с большим окном, выходящим на лоджию, откуда открывался прекрасный вид на осенний лес, продолжающийся за ограду санатория куда-то далеко-далеко, до горизонта.

На улице было холодно и пасмурно, а в номере тепло, и эта «мелочь» радовала особенно, и хотелось поваляться на диване, глядя на плывущие за окном облака и почитывая что-то лёгкое, детективное.

Однако Оля заставила меня записаться на массаж, ванны, бассейн и лечебную гимнастику, что вместе с посещением столовой занимало весь день настолько плотно, что после обеда

чувствовалась усталость от такого непривычно настойчивого укрепления здоровья, и тянуло в сон, и вольно, не вольно, как в детском саду у внуков, получался тихий час. А если добавить ещё и полдник, обычно чай с пирожком и какой-нибудь фрукт вроде яблока или груши, то сравнение нашего распорядка дня с детским садом было вполне уместным.

Кроме вечера. После ужина все отдыхающие выплывали на главную аллею.

Так было и в тот день.

В полутьме влажного вечера свет фонарей растекался среди бисера незаметного дождя и сиял множеством ярких бликов на поверхности лужиц и мокром, блестящем асфальте. Многие шли без зонта, натянув на голову капюшоны курток, пальто, шли под руку, поодиночке или небольшими группами. Хорошо смотрелись он и она под одним зонтом на долгой осенней аллее – это было похоже на известную старинную картину.

Вдоль аллеи стояли вековые липы, сейчас стыдливо обнажённые, их опавшие листья темнели на земле, а на ветвях, как слезинки, сверкали капельки дождя.

В конце аллеи сиял огнями клуб, и слышалась приятная музыка.

Мы пришли сюда впервые и, сняв пальто, хотели направиться в танцевальный зал, но вдруг Оля сказала:

– Посмотри, здесь играют в шахматы.

В просторном фойе клуба, в углу около окна стоял столик, где играли в шахматы двое мужчин, вокруг которых собралась небольшая толпа.

Постояв рядом пару минут, я обратился к жене:

– Пожалуй, я посмотрю, а ты послушай музыку, потанцуй, если хочешь. Не обижайся, дорогая.

– Хорошо, только не уходи без меня.

Оля знала мою любовь к шахматам, в которые я играл с детства и по сей день.

Мой книжный шкаф дома был забит шахматной литературой, в том числе любимым журналом «64 – Шахматное обозрение», старыми советскими номерами которого я особенно дорожил.

А на самом видном месте стояла книга «Школа шахматной игры», написал её Кобленц Александр Нафталевич – латвийский, ранее советский, шахматист, мастер спорта СССР (1945), заслуженный тренер СССР (1960), известный шахматный литератор, а также (1955–1979) тренер-секундант Михаила Таля – восьмого чемпиона мира по шахматам (1960–1961) и первого чемпиона мира по молниеносной игре – блиц-шахматы (1988).

Книгу «Школа шахматной игры» Кобленца А.Н. я купил давно в букинистическом магазине.

И хотя с момента первого издания её в 1962 году прошло уже более пятидесяти лет, она до сих пор переиздается и является одним из лучших учебников по шахматам.

В тот осенний вечер, наблюдая за шахматной игрой, я вдруг отчётливо увидел эту книгу: на светло-коричневом фоне обложки – фигура коня, чуть позади ладья, сверху имя автора, а внизу название – «Школа шахматной игры». Почему вдруг она появилась передо мной?

– Может быть, кто-то новенький сыграет? – неожиданно услышал я, очнувшись от воспоминаний.

Это произнёс мужчина средних лет, в очках, с седой взлохмаченной шевелюрой. Он, сидя за столиком, сдвигал шахматные фигуры, в то время как другой игрок, высокий, в свитере и джинсах, выходил из-за стола с видом проигравшего.

– Эх, Николай, да что с тобой играть, – громко вздохнул стоящий рядом со мной мужчина в кепке.

– Мы играем не в блиц – часов нет, – объяснил Николай, обращаясь именно ко мне. Станным образом он понял, что я играю в шахматы, и одновременно увидел нерешительность на моём лице. – У нас на обдумывание одного хода полагается не пять-десять секунд, как принято сейчас в блице, и даже не тридцать, как было раньше.

- И не пять минут на всю партию, как в пятиминутке, – вставил мужчина в кепке.
- Мы играем на вылет, но довольно-таки быстро, – закончил объяснение Николай.
- Попробую, – после паузы ответил я.

Мужчины, толпившиеся вокруг шахматного столика, оживились, их было человек восемь-девять. Я, чувствуя своё несколько расслабленное, благодушное настроение в данный момент, немного помедлил – стоит ли? Мне было понятно, что Николай не раз выигрывал у всех мужчин, окруживших столик.

- Ваше решение? – повторил вопрос Николай.
- Я сел за шахматную доску.

Я понимал, что мой соперник использовал особенности молниеносной игры, потому что предыдущие игроки вылетали довольно-таки быстро, и потом, здесь было немыслимо играть в классические шахматы, при которых неизвестно, как долго может продлиться партия. Не скажу, что я много играл в блиц-шахматы, однако, играл.

Мне достались белые фигуры. Я решил начать не с классического, а с так называемого бокового дебюта, где, в принципе, меньше теории, но если удастся быстро и грамотно сыграть первые двадцать ходов, то это может стать отличным заделом для будущей игры.

Так и случилось. Миттельшпиль пролетел почти мгновенно, вот и эндшпиль, и... мат. Николай, признав поражение, предложил сыграть ещё. Я видел, как он огорчён, но азарт охватил меня – ведь победа далась мне так легко и быстро! Итак, мы продолжили.

По правилам, принятым здесь, мы поменяли цвет фигур. Теперь белыми начал Николай. В его игре чувствовалось мастерство, но и я не подкачал – быстро перейдя в миттельшпиль, сумел лишить противника ферзя и далее, далее...

Моё воодушевление нарастало, я понимал, что мне не только везёт, но я играю правильно и точно. Победа. Лицо Николая покраснело, он смахнул рукой пот со лба.

Я встал, решив, что наше сражение закончено, однако счёт два-ноль в мою пользу не устроил моего противника.

- Сыграем ещё, – глухо произнёс он.
- Хорошо. Выбирайте любой цвет.

Дебют Николай провёл отлично, перешёл в миттельшпиль грамотно, с хорошей позицией, и мне показалось, что он стал дышать легче и спокойнее. И тут, как гром среди ясного неба, раздался звонкий женский голос:

- Ну что, муженёк, опять выигрываешь! – и она улетела куда-то.
- Это была, как мне позже сказал мужчина в кепке, супруга Николая.
- Я не видел её, но услышал, как и все. А Николай...

Он как-то затормозил игру и сбился – ошибка, и снова ошибка, и потеря фигуры... Николай проигрывал. Смотреть на него было просто невозможно – лицо покраснело, дыхание стало частым и шумным, руки задрожали.

- «Надо срочно что-то делать!» – молнией пронеслось в моей голове.

Собравшись с мыслями, сконцентрировав всё своё внимание на шахматной доске, я попытался исправить положение в пользу Николая, но так, чтобы это было не слишком очевидно, не слишком грубо. Потихоньку я сдавал и сдавал свои позиции, сдавал сознательно и можно сказать почти радостно.

- «Всё, гора с плеч!» – я вздохнул с облегчением. Ничья. Что и требовалось доказать.

Николай тяжело встал из-за стола, молча пожал мне руку и быстро вышел.

В это время наступила какая-то странная, как мне показалось, тишина.

Оказывается, закончились танцы. Оказывается, играя в шахматы, я так увлёкся, что не слышал музыки, хотя дверь в танцевальный зал была открыта и находилась рядом.

– А вот и я, – жена взяла меня под руку. – Давай погуляем перед сном! Дождь прекратился, время детское. Как ты?

– Нет. Домой.

Ночью я спал как убитый.

Через день я встретил высокого, в свитере и джинсах мужчину, после которого началась моя игра с Николаем. Он сам остановил меня.

– Вы знаете, после сражения с вами Николай больше не приходил в клуб и не играл в шахматы.

– Может быть, он уехал?

– Нет. Только что я видел его в столовой.

Что я мог ответить? Сказать какую-то банальную шутку? Я промолчал.

Мужчина пристально посмотрел на меня и грустно улыбнулся:

– Иногда сыграть вничью труднее, чем выиграть.

Я шёл по аллее.

Подморозило, лужицы покрылись тонкими ледяными оконцами, они сверкали в лучах застенчивого осеннего солнца и звонко хрустели, если кто-то наступал ногой. Вот и первые снежинки, они таяли на руке и сахарной пудрой сыпались на асфальт. Скоро белоснежно-снежная, пушистая зима!

Почему-то я вспомнил слова мужчины, что «сыграть вничью иногда труднее, чем выиграть», вспомнил и остановился.

То лето началось радостно – я получил третий взрослый разряд по шахматам.

Я так гордился! Хотя и понимал, что мне уже четырнадцать лет, а вот есть такие знаменитые шахматные гении, которые, которые... Ну и что, а у меня третий взрослый по шахматам! И всё впереди!

Наш дачный посёлок располагался рядом с извилистой, быстрой речкой, вдоль которой тянулись луга с высокими травами. И здесь, на берегу, была беседка, где стоял большой круглый стол, на котором мы, я и мои друзья, играли в шахматы. В нашем посёлке я считался одним из лидеров по шахматам, потому что обыгрывал не только всех своих друзей, но и многих мужчин.

Однажды в беседку зашёл худенький мальчик в очках, белой панаме, майке и шортах.

Он немного посидел на скамейке, посмотрел, а потом, подойдя ко мне, тихо спросил:

– Можно я сыграю с тобой?

Никто из нас не знал его. Как выяснилось позже, его бабушка арендовала на месяц пустующую дачу в посёлке. Потом они уехали. Мальчика звали Саша, он перешёл в третий класс, ему было девять лет.

– Ты умеешь играть в шахматы? – спросил я.

– Умею.

– Дарю тебе белый цвет, – сказал я.

– Нет, давай разыграем.

Саша играл первую партию чёрными и... выиграл. Вторую белыми – и тоже выиграл. А третью...

Я видел его нос в веснушках, очки, которые он то и дело поправлял, руки, искусанные комарами:

«Ну зачем он появился здесь?!» – горестно думал я, понимая, что снова проигрываю.

Потом я как будто пришёл в себя и стал играть вроде бы лучше, лучше... Ничья.

– Спасибо за игру, – сказал Саша, встал и ушёл.

Но это была не ничья. Саша пожалел меня и стал поддаваться, на самом деле он три раза подряд выиграл у меня.

Все мои друзья это поняли. Как и я. В то лето в шахматы я больше не играл.

Первый снег падал и падал, укрывая деревья, скамейки, дома и машины. И сразу стало светло и уютно, и как будто теплее. Отдыхающие шли в клуб на концерт, танцы, в кинозал, библиотеку, а кто-то спешил к стоящему в просторном фойе около окна небольшому столику – здесь играли в шахматы.

Диван

Всю неделю сыпал не то мокрый снег, не то дождь, и на улице было промозгло и тоскливо – низкое, серое небо и нескончаемая пелена дрожащей бисерной мороси в холодном воздухе. А сегодня подморозило, и выглянуло солнце.

«Надо собраться», – подумала Анна Егоровна, посмотрев в окно.

Она повязала платок, накинула шубейку и некоторое время раздумывала, что надеть – резиновые сапоги или ботинки. Остановилась на ботинках, решив, что в резиновых сапогах будет скользко, а упасть Анна Егоровна ох как боялась, зная все случаи страшных падений знакомых, закончившихся переломами, костылями и долгим восстановлением.

«Под восемьдесят уже», – вздохнула Анна Егоровна, невольно вспомнив свой возраст.

Для верности на ботинки она нацепила так называемые «ледоходы», купленные в аптеке и представляющие собой металлические цепочки, соединённые резиновыми петлями, которые натягивались на носок и пятку обуви. Потом прошла на кухню, проверила, выключен ли газ и вода, затем посмотрела, сколько денег в кошельке и, решив, что на хлеб и молоко хватит, взяла сумку, вышла и закрыла дверь.

Полгода назад Анне Егоровне пришлось сменить не только квартиру, но и место жительства. Её дом оказался расположенным на строящейся крупной трассе, и ей, как и остальным жильцам, предложили квартиру в новостройке. Но поскольку в том маленьком посёлке жилищного строительства практически не было, её новая квартира находилась в пятнадцати километрах от прежнего, уже несуществующего жилья, а именно – на окраине близлежащего районного центра. Так Анна Егоровна стала жить в новом доме, на новом месте. Единственное, что она выпросила для себя – первый этаж, и не столько потому, чтобы не подниматься по ступенькам, а быть поближе к земле, видеть рядом травку, деревья, осенние листья, сугробы снега и первые одуванчики.

Старый дом был небольшой – два этажа, два подъезда, но за каждой квартирой был закреплён кусочек земли. Всего-то две сотки, но чего там только не было! На крохотных клочках земли росли картошка, огурцы и помидоры, капуста, лук, кабачки, здесь были грядки с клубникой, кусты смородины и крыжовника. Все женщины сажали цветы, и в окна дома весной заглядывали ветви белой сирени, усыпанные долгожданными, пышными соцветиями, а осенью – высокая розово-алая мальва.

Анна Егоровна любила посидеть на скамеечке у подъезда и поболтать с соседками о том, о чём, а иной раз и самой пожаловаться или пожалеть кого-то, посоветовать, или, глядя на подросших детей, вздохнуть: «Как быстро летит время!»

Случилось так, что жители снесённого дома, получив квартиры в райцентре, оказались в отдалении друг от друга, и хотя на автобусе можно было проехать несколько остановок и прийти, встретиться, поговорить, но это ведь совсем не то, что выйти в домашних тапочках и халате и посидеть у подъезда, а кругом всё и все свои, с кем всю жизнь рядом.

Анна Егоровна грустила, и ей не в радость был ни комфорт, ни сияющий ремонт нового жилья, ни новые занавески, и даже милая сердцу цветущая герань, расставленная на подоконниках, не утешала, а вызывала в памяти маргаритки и анютины глазки на клумбе под окном старого дома.

Сын Анны Егоровны, живущий с семьёй в областном городе, предлагал ей съехаться и жить вместе, но она не торопилась с ответом. Сын, внуки и невестка навещали её не слишком часто, но зато подарили мобильный телефон.

Анна Егоровна торопилась в супермаркет.

Никогда раньше она не видела такого разнообразия товаров и такого большого магазина, по которому вначале ходила как по музею. Где же она могла видеть подобную сверкающую красоту, если всю трудовую жизнь работала на птицефабрике вначале рабочей, потом бригадиром, а из посёлка выезжала только в местный дом отдыха раза три-четыре, давно, с мужем, когда он был жив.

Анна Егоровна постепенно запомнила расположение товаров в супермаркете и научилась выбирать нужное из огромного многообразия, и если раньше, чтобы не брать лишнее, она писала список покупок, то теперь, учитывая скромную сумму в кошельке, заходила лишь в необходимые отделы.

Но сейчас она шла в магазин не за покупками, хотя хлеб и молоко собиралась купить, а шла она, как ни странно, к книгам. Приблизительно три недели назад Анна Егоровна случайно забрела в закуток, где стояли несколько стеллажей с книгами, газетами и журналами. Она взяла с полки книгу, на яркой обложке которой был нарисован берег моря, где, глядя на закат, сидела, обнявшись, влюблённая пара. Анна Егоровна открыла книгу и начала читать первую главу.

Она не была книголюбом, она мало читала в течение жизни, обычно – женские журналы с советами или что-нибудь про здоровье, про сад, огород, или местные газеты с местными новостями, вот, собственно, и всё. Прочитанная художественная литература осталась где-то далеко, в школе, и вдруг... Она, в платке, в старенькой невзрачной шубейке и широконосых ботинках с нахлобученными на них «ледоходами», стояла у стеллажа и читала книгу, и так увлеклась приключениями влюблённых, что уронила очки.

– Возьмите, – услышала она.

Рядом с ней, держась за ручку тележки, доверху нагруженной пакетами с крупой, стоял рабочий магазина – мужчина средних лет, одетый в синюю униформу.

– Возьмите, – повторил он и протянул упавшие очки.

– Спасибо, – Анна Егоровна смутилась, торопливо закрыла книгу и положила её на полку.

Мужчина по-доброму улыбнулся и покатил тележку дальше.

А она не уходила, ей очень хотелось узнать, что же будет дальше в этой книге. Постояв некоторое время, Анна Егоровна снова открыла книгу и погрузилась в чтение. Она читала, не замечая ничего вокруг, и очнулась только, когда устали ноги. Хотела прислониться к стеллажу, но он на вид был слишком хрупкий. Вдруг упадёт?

Анна Егоровна положила книгу на полку и направилась к выходу, но вернулась, снова взяла книгу, посмотрела на цену и вздохнула: «Нет, лучше завтра приду и прочитаю».

Весь день она представляла себе действия героев книги и что их ждёт в том или ином случае – так интересно!

На следующий день она снова стояла у стеллажа с книгой в руках, и через день тоже, а на четвёртый книга кончилась, и от этого Анна Егоровна расстроилась, но открыв её в начале и увидев надпись «книга первая», обрадовалась и стала искать на полке «книгу вторую». И нашла. Но читать не смогла – от долгого стояния заболели ноги.

Она дала отдых уставшим ногам и весь следующий день решала два вопроса: первый – купить или не купить, второй – нельзя ли взять с собой маленький, помещающийся в сумке складной стул. По первому вопросу решила не покупать, потому что... потому что дорого, к тому же неизвестно, сколько всего книг в этой истории. А по второму вопросу решила, что со стулом её, скорее всего, попросят уйти.

Так продолжалось больше двух недель, за которые Анна Егоровна прочитала два любовных романа и один детектив. Она так увлекалась сюжетами книг, что дома всё вспоминала и раздумывала о поступках героев: почему одним из них везло в жизни, а другим нет, и вот если бы...

Однажды погода испортилась, пошёл хмурый снег-дождь, но Анна Егоровна всё равно пошла в магазин и снова читала. А на обратной дороге промокла и простудилась. Отлёживалась дома, пила горячий липовый чай с мёдом, заваривала травяной сбор от кашля, и обошлось, поправилась.

Но вот, наконец, распогодилось и похолодало. Прозрачный, звонко хрустящий лёд, затянувший лужицы, отражал яркое, мартовское солнце, и воробьи, сидя на проводах подобно нотам, громко и заливисто чирикали, приветствуя наступающую весну.

Анна Егоровна шла, радуясь ясной, свежей погоде и предстоящей после перерыва встрече с книгами. В магазине, подходя к заветному закутку со стеллажами, она встретила рабочего, который почти месяц назад, когда она впервые взяла книгу и начала читать, поднял с пола её упавшие очки. Он, как и тогда, катил за собой тележку с продуктами и, увидев её, приветливо поздоровался:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – эхом повторила Анна Егоровна и, подойдя к стеллажам с книгами, остановилась, поражённая увиденным.

В проходе, около торцов двух рядом стоящих стеллажей стоял диван, но то был особенный диван. Основанием его служили два поддона, поставленные друг на друга, вернее, это был один квадратный поддон, распиленный пополам и соединённый половинками. Второй, точно такой по размерам поддон был приставлен и закреплён

сзади двух предыдущих. Таким образом, получился диван с высокой спинкой, но, чтобы сидеть не на досках, а на чём-то мягком, поверх сиденья был положен матрас оранжевого цвета, и такой же матрас был прикреплён сзади, образуя спинку. Удивительно, но эти матрасы точно подходили к размерам поддонов и выглядели как новые.

– Анна Егоровна, – вдруг услышала изумлённая женщина.

Около неё стояла соседка Вера Кузьминична.

– Какой странный диван, похоже, его недавно сделали. Посмотрите, записка, – соседка взяла лист бумаги, лежавший на диване. – Это для вас, Анна Егоровна. Называют вас по имени-отчеству.

– Откуда же узнали моё имя?

– Наверное, случайно слышали в магазине. Вот я, к примеру, не один раз встречала вас и звала по имени-отчеству. Возьмите, – она протянула записку.

Надев очки, женщина прочитала:

«Анна Егоровна, пожалуйста, не стесняйтесь, этот диван для вас. Читайте, сколько хотите!»

Отцветает жасмин

Позднее, чем обычно, отцветает в этом году жасмин.

Он будто хочет задержаться, чтобы передать эстафету цветения липе, которая сейчас, в середине июля словно заснула под долгими, хмурыми, почти осенними дождями. Холодное лето две тысячи семнадцатого.

Но какие травы в этом году!

Решив посмотреть грибы на опушке леса рядом с домом, иду по тропинке, с двух сторон которой растёт необыкновенно высокий (выше меня на голову и больше!) тмин, и мне кажется, что я иду по зелёному коридору где-то в тропических джунглях Амазонки. Стебли тмина поднимаются, ветвятся, его распушившиеся зонтики соцветий образованы миллионами маленьких, размером с маковое зёрнышко, цветов, каждый из которых имеет пять крохотных белых лепестков, и все вместе они создают сильный, стойкий медово-сладкий запах, слышимый издали.

Рядом гигантские лопухи с листьями, похожими на огромные подносы, и конский щавель с разбросанной метёлкой зеленовато-жёлтых соцветий; здесь же ромашка – она чиста, безукоризненно хороша и похожа на отличницу в школе в аккуратном белом фартуке; а вот и колокольчики, хрупкие, небесно-синие.

На краешке леса появился элегантный островок пастельных тонов – здесь случайно поселился занесённый с дачных участков люпин, бледно-розовый, фиолетовый и молочно-белый, как будто к милым деревенским родственникам приехали в гости знатные родственники.

На опушке возвышаются пирамиды муравейников. Построенные из сосновых иголок, кусочков листьев и веток, они стоят в ряд недалеко друг от друга, около высоких старых берёз. На поверхности муравейников чётко выделяются небольшие углубления. Это входы в муравьиное царство, сюда убегают и отсюда появляются трудолюбивые муравьи – крохотные защитники наших лесов.

А что же с грибами? Есть ли они?

Иду дальше и вижу семейки мухоморов, поганок, вижу кустики земляники с плотными, зелёными ягодками, застывшими в росте – мало солнца. Но что за холмик около пушистой ёлочка? Приглядываюсь и застываю в изумлении – по окружности сплошь засыпанного иголками и прошлогодними листьями песчаного бугорка виднеются три пары нежно-коричневых шляпок, а в центре, чуть больше, ещё одна. Неужели белые?

Аккуратно подкапываю землю вокруг одной пары – не «пыхалки» ли это, как называют в народе грибы-дождевики. И вижу два выросших рядом грибка с крепкими шляпками, надежными на плотные белые ножки. Это белые! И таких пар три, а в центре ещё один – всего семь, семья, семейка молоденьких белых грибков. Пусть растут! Но место запоминаю. Приду через несколько дней, посмотрю.

Небо – как одна большая туча. Но вот, смущаясь за долгое отсутствие, пробивается солнце. Ненадолго. Снова пасмурно, и снова то и дело из потемневшей тучки накрапывает дождик, тихий, нескончаемый.

Открываю зонт и иду к Волге, она рядом. На берегу ветрено и пустынно – ни рыбаков, ни желающих искупаться, вода прохладная, градусов пятнадцать, не больше.

По реке цвета серенького неба, торопясь и обгоняя друг друга, бегут волны.

Сердцась, они выплёскиваются на берег и затихают, и уходят тут же, не оглядываясь и не прощаясь, оставляя после себя завораживающий шум прибоя.

Возвращаясь, иду через поле по раскинутому, пёстрому лоскутному одеялу цветов.

Около дома на земле белеют осыпавшиеся лепестки жасмина, и слышится его запах, изумительно изысканный, нежный и грустный, улетающий...

Гостя

– Леночка, я тебя очень прошу – поживи у меня. Позвонила тебе, потому что... – Рита вздохнула, – больше некому. Ты – моя лучшая подруга. Приезжай, развеешься, обстановку сменишь! Лен, ну кто покормит моих золотых рыбок, кто выпустит Кешу полетать, кто цветы польёт? Лучше тебя никто, потому что всё это ты хорошо знаешь. Алло, Лен, ты меня слышишь?

– Конечно, слышу.

– Согласна?

– Хорошо, выручу тебя.

– Вот и замечательно! В этом году май и июнь были такие холодные, дождливые, а там, куда я еду, море, солнце, фрукты! Леночка, это всего на две недели. Ты не заметишь, как они пролетят.

Через неделю Елена Павловна, Лена, приехала. Чемодан Риты стоял у входной двери.

– Вот тебе ключи от квартиры. Мой телефон ты знаешь. Мобильный сына дала, но он сейчас далеко, в командировке, так что не знаю, дорогая, как насчёт связи с ним. А телефоны сантехника, электрика, поликлиники...

– Службы спасения... – улыбнулась Лена.

– Ну что ты говоришь! Всё будет хорошо!

Подруги обнялись. Вот и звонок – приехало такси.

Лена, Елена Павловна, и Рита, Маргарита Васильевна, учились вместе в институте и дружили давно, можно сказать, всю жизнь. Теперь у Риты уже внуки были студентами института. У Лены детей не было. Жили подруги в разных городах, но сравнительно недалеко – часа два на машине, поэтому виделись часто и помогали друг другу.

На кухне, в клетке, стоящей на тумбочке, сидел притихший попугайчик.

– Уехала твоя хозяйка, Кеша, теперь будешь общаться со мной.

Кеша, представитель породы волнистый попугайчик – маленький, с нежно-зелёными крылышками, ярким жёлтым брюшком, голубоватым клювиком и цепкими коготками – услышав незнакомый голос, нахохлился и стукнул клювом в висящее перед ним зеркальце так, что оно подскочило.

– Кеша – хороший мальчик, – вдруг услышала Елена Павловна.

– Молодец! Кушать хочешь? – спросила она.

– Кушать хочешь? – повторил попугайчик.

«Будет весело», – подумала Елена Павловна.

Квартира подруги находилась на четвёртом этаже и состояла из прихожей, кухни, санузла, небольшой спальни и просторной гостиной, соединённой с застеклённой лоджией. Было чисто, аккуратно, удобно, как говорится, всё на месте. Елена Павловна подсыпала корм Кеше и двум рыбкам в аквариуме, посмотрела цветы на окнах – надо ли полить, потом вышла на лоджию.

Дом окружал ровный подстриженный газон. В центре двора, украшенного клумбами с цветами, была детская площадка с качелями, а дальше, через дорогу, начинался парк.

«Сегодня в парк не пойду, лучше погуляю по городу», – решила Елена Павловна.

Город, где жила её подруга, имел многовековую историю. Здесь был известный мужской монастырь, храмы, старинные особняки и музеи, здесь протекала речка с живописными берегами. Елена Павловна, навещая подругу, не переставала восхищаться его красотой и самобытностью.

Вечером, устав после прогулки, она решила лечь спать пораньше, но приготовила постель не в спальней, а в гостиной:

«У себя дома телевизор практически не включаю, а здесь, перед сном, посмотрю минутку».

Шёл фантастический фильм с элементами ужаса – то, что она никогда не смотрела.

«Фантастический ужас и ужасная фантастика. Какая разница между этими словосочетаниями?» – подумала Елена Павловна, но не ответила на этот вопрос, так как действие в фильме разворачивалось грандиозное: светлые силы боролись со злом, желающим получить власть над всей планетой. Появлялись то чудовищные монстры со светящимися, как прожектор, глазами, то смелые, в невероятных одеждах рыцари, летающие на умопомрачительных космических кораблях, появлялись драконы и огромная жёлтая обезьяна, прыгающая по гигантским растениям, похожими на бамбук, появлялись новые и новые действующие лица. В конце концов Елена Павловна, не привыкшая к подобным персонажам и сюжетам, перестала понимать происходящее. Засыпала с трудом и с головной болью.

Среди ночи она вдруг услышала странный высокий звук, напоминающий вой, потом кто-то мяукнул пару раз, и наступила тишина. Затем раздался громкий шорох, звук открывающейся двери и отчётливое: «Мя-а-ау!»

«Надо же, – сквозь сон пыталась понять услышанное Елена Павловна, – угрозило меня посмотреть этот жуткий фильм».

Вскоре послышались отчётливые шаги по паркету, и кто-то прыгнул на диван. Этот кто-то был рядом. От ужаса Елена Павловна боялась пошевелиться и открыть глаза. Подождав немного, она потихоньку вытянула ногу и тут же почувствовала какое-то тело. Это тело фыркнуло и зашевелилось, устраиваясь удобнее.

«Какой кошмар! Я сплю?»

Она приоткрыла глаза и приподняла голову – вокруг было темно и тихо. Пока тихо, потому что стоило ей опять вытянуть ногу, чтобы попробовать коснуться – кого-то?

чего-то? – как она вновь услышала громкое: «Мяу!»

«Боже мой, четвёртый этаж, входная дверь и окна закрыты, лоджия застеклена. Кошка? Но откуда могла появиться кошка? Или мне кажется?»

Нет, ей не казалось – рядом кто-то спокойно дышал.

«Надо что-то делать!» – Елена Павловна рукой начала осторожно ощупывать стену, зная, что над диваном был светильник. Кто-то рядом передвинулся.

Наконец, она нашла выключатель, помедлив мгновение, нажала на кнопку, открыла глаза и... И увидела сидящую перед ней кошку, большую, пушистую, рыже-золотоволосую, с белым, похожим на бант, пятном на шее, с пышным хвостом и малахитово-зелёными глазами, строго смотрящими на неё. Она была невозмутимо спокойна и хороша как королева. Но откуда она?

Некоторое время они внимательно разглядывали друг друга, затем кошка мягко спрыгнула и встала рядом с диваном.

Ошеломлённая Елена Павловна несколько минут сидела, не двигаясь, затем встала, подошла к входной двери и открыла её нараспашку – мол, уходи! Не тут-то было. Кошка, шедшая за ней, перед самой дверью остановилась и улеглась на полу, всем своим видом показывая, что уходить не собирается. Елена Павловна обошла квартиру и не нашла ничего особенного – окна закрыты, всё на своих местах. Осталась лоджия.

«Но ведь четвёртый этаж и застеклённая лоджия!» – подумала она.

Однако, войдя на лоджию, Елена Павловна увидела то, что вчера не заметила – справа раздвижная створка окна была немного сдвинута, образуя открытое пространство. Кошка, будто желая продемонстрировать свои способности, прыгнула с пола прямо на подоконник, вылезла на карниз и, ловко пройдя по нему, перешла на тумбочку, стоящую на соседней лоджии рядом с прозрачной перегородкой.

Но с тумбочки на пол уже своей лоджии кошка спрыгивать не стала, а сидела и следила за каждым движением Елены Павловны, которая, немедленно задвинула створку окна, закрыв проход для кошки.

– Всё, киса, концерт окончен, будем спать!

Через минуту Елена Павловна лежала на диване и пыталась заснуть. Было два часа ночи.

Сначала послышалось тихое мяуканье, оно повторилось громче, ещё громче, и раздался вой. Елена Павловна выбежала на лоджию. Кошка сидела на тумбочке и била лапой по прозрачной перегородке, как бы говоря: «Пусти меня к себе!»

– Понимаешь, киса, нельзя, у тебя есть свой дом. Где твои хозяева?

Пройдя в комнату, Елена Павловна села в кресло, надеясь, что тишина наступила надолго. Но вновь повторилось то же самое: сперва еле слышное мурлыканье, потом громче, а затем вой. Соседи снизу негромко постучали по батарее, давая понять – прекратите шум.

Елена Павловна, вздохнув, прошла на лоджию и раздвинула створки окна. Сообразительная кошка тут же прошла по карнизу, спрыгнула на пол, нырнула в комнату и устроилась в кресле перед телевизором.

– Может, тебе ещё и кофе с бутербродами подать?

В ответ кошка встала, повернулась вокруг себя несколько раз и, уютно свернувшись в уголке кресла, затихла.

Проснувшись утром, Елена Павловна кошки в квартире не обнаружила, не было её и на лоджии. При этом дверь в комнату соседней квартиры была приоткрыта, то есть мурлыка по карнизу могла свободно перемещаться по двум соседним лоджиям и квартирам.

Елена Павловна вошла в подъезд, поднялась на четвёртый этаж и позвонила в квартиру, где жила кошка. Тишина.

Вернувшись к себе, она звонила Рите, но в ответ почему-то слышалась быстрая иностранная речь. Все попытки поговорить с подругой не увенчались успехом, а расспрашивать соседей, по мнению Елены Павловны, было неудобно. Она поняла, что кошка будет жить у неё... временами, когда сама пожелает.

Елена Павловна звала её Киса.

От обычной еды Киса отказалась, и пришлось купить корм для кошек. На кухне на полу появилась миска с водой, а в туалете лоток. Дверь в комнату, где был аквариум и клетка с Кешей, теперь закрывалась во избежание неприятностей.

Елена Павловна так и не дозвонилась до Риты, от неё звонков тоже не было.

Киса, как она поняла, привыкла жить в двух квартирах, путешествуя между ними по карнизу лоджий.

Когда Елена Павловна уходила, Киса провожала её до двери, а встречала всегда радостно – бежала, тёрлась о ноги и мурлыкала.

Всё время, свободное от прогулок по городу, Елена Павловна проводила с кошкой. По вечерам она садилась в удобное, большое кресло, рядом изящно пристраивалась Киса. Елена Павловна включала телевизор и отключала звук. На экране жили и двигались беззвучные персонажи, на которые она смотрела лишь изредка. Шелестели за окном ветви высокого старого клёна, шептал что-то грустное летний дождь, и где-то рядом в парке звонко стучал по стволу дерева дятел.

В эти долгие задумчивые часы Елена Павловна думала о муже, умершем четыре года назад, и о том, как увлечён и предан он был науке, думала, как мало они отдыхали и путешествовали, хотя возможность была, но то доклад, то конференция, то защита диссертации у одного из многочисленных учеников, то новая книга, а она всё около него, около него, и всё только для него. Одно время она пыталась уговорить мужа взять малыша из детского дома, хотела мальчика. Так надеялась! Но он не услышал. Или не захотел услышать? А потом... Потом было уже поздно.

Где-то через неделю, уходя и закрывая входную дверь, Елена Павловна увидела парня, вышедшего из лифта.

Он подошёл к ней:

– Здравствуйте, я Антон, хозяин Фроси.

– Добрый день. А Фрося...

– Моя кошка. Извините, что так получилось. Понимаете, я в институте учусь, и сейчас летняя практика, вот и уехал поэтому. А Фросю отдать некому. Но она у меня самостоятельная! Оставляю ей еду и воду в мисках – ешь, пей сколько хочешь.

– И на целый месяц её оставляете?

– Да нет, видите, приехал. Ещё соседка раз в два дня заглядывает. Я звоню, узнаю. Спасибо. Ещё раз извините.

– Ничего, мы с Кисой, вернее, с Фросей, нашли общий язык.

Время летело быстро, и за три дня до приезда позвонила Рита.

– Леночка, наконец-то дозвонилась! Что-то случилось со связью. Мне позвонил Антон и всё рассказал. Извини,

дорогая, что не предупредила о Фросе, очень торопилась.

– А мы подружились. Фрося такая понятливая мурлыка!

– Ты обрадовала меня! А я всё никак не могу выбрать тебе сувенир. Одеждой ты не интересуешься. Из еды что-то? Какой-то деликатес? Здесь в магазинчиках для туристов продают красивые статуэтки – разные гномы, балерины, солдатики, собачки, кошечки. Вот что! Куплю тебе статуэтку кошки. Привезти?

– Привези. Рыжую, с зелёными глазами.

По комнате тёплым розовым светом разливалось закатное солнце.

Елена Павловна сидела в кресле и гладила по мягкой шёрстке Кису, та урчала от удовольствия. По телевизору передвигались странные персонажи, ставшие без звука бессмысленными. Незаметно наплывали сумерки, на ночном небе зажигались звёзды, и отсчитывали секунды старинные часы.

Акварель

У меня с мамой был уговор – она должна звонить мне каждый день утром и вечером.

Эта её небольшая, но важная для меня обязанность появилась давно, потому что маме было семьдесят девять лет.

Я жила сравнительно недалеко от неё – полчаса на трамвае, а от двери до двери около часа. Сколько раз предлагала ей съехаться – обменять наши две однокомнатные квартиры на хорошую двухкомнатную, тем более что восемь лет назад умер папа, и мама, овдовев, жила одна также, как и я после развода. Но пока на все мои доводы о том, что вместе лучше, ответ у неё был один: «Не хочу никому мешать».

Как-то утром мама не позвонила. Я набирала её номер несколько раз, а в ответ – длинные гудки. Позвонила Зое, соседке, которая жила рядом, и тоже длинные гудки.

Что случилось?

Когда выбежала из дома, решила не ждать трамвая, а взять такси. Через пятнадцать минут я стояла у маминой квартиры. Она открыла дверь.

– Танюша?! Не ждала тебя сегодня. Ты такая взъерошенная. Что случилось?

– Мама, ну как же так?! Мы ведь...

– Да, да, мы с тобой договорились, но... – она стала поправлять волосы, и тут я заметила, что её руки перепачканы краской. Заметив мой взгляд, она произнесла: – Пойдём!

Войдя в комнату, я увидела, что стоявший посреди комнаты стол был раздвинут, и на нём, раскинувшись на просторе, лежали вырванные из альбома для рисования листы с разноцветными мазками, видимо, пробами цвета. Тут же стоял стакан с водой и кисточкой, раскрытая коробка с акварельными красками и рядом мобильный телефон.

– Ну вот, теперь понятно, почему невозможно было дозвониться – заряд кончился, – я передала телефон маме.

– А Зоя? Ты могла позвонить Зое.

– Не получилось. Может, она тоже увлеклась рисованием?

– Да что ты! – рассмеялась мама, а потом серьёзно посмотрела на меня. – Понимаешь, вчера разбиралась в книжном шкафу и обнаружила новый альбом для рисования, кисточки и краски. Наверное, для внуков когда-то покупала и забыла. А утром встала рано и вот... – она вдруг оживилась. – Оказывается, рисовать так интересно! Посмотри!

Лист бумаги на первой картине на одну треть был неравномерно покрыт зелёной краской, на две трети голубой с белым, и чуть сбоку от центра росло дерево, напоминающее берёзу. Получилось небо, поле и одинокое дерево.

– Может, солнышко добавить? – спросила я.

– Ты думаешь? Я посмотрю, – задумчиво ответила мама.

Потом мы пошли на кухню. Она быстренько напекла блинов, открыла банку сгущёнки, и мы, не торопясь, пили чай. Провожая меня, мама, смущаясь, попросила:

– Купи мне, дочка, новой краски, я эту еле размочила, так она засохла.

Трамвай был пустой и ехал, как мне казалось, очень медленно. За окном мелькали знакомые улицы, дома, шли прохожие. Я думала о маме. Моя мама старела, и многое из того, что легко и непринуждённо она делала когда-то, сейчас становилось трудным или невозможным. Иногда она становилась капризной или обидчивой, или вдруг начинала что-то неожиданное, как, например, сегодня – рисование.

Вспомнила, как в детстве, когда мама приходила с работы, я бежала к ней и заглядывала в сумку: «Что ты принесла?» А теперь она, открывая дверь, задавала мне тот же вопрос: «Что вкусенького ты принесла?»

Мама потихоньку превращалась в ребёнка, мы как будто поменялись местами, и теперь пришла моя очередь ухаживать за ней, уступать и окружать любовью.

В ближайшие дни в художественном салоне, посоветовавшись с продавцом, я купила акварельные краски, кисточки и бумагу и, когда отдавала всё это маме, на её лице просияла, как радуга, такая радость, такая... как у девочки, которой подарили долгожданную куклу. Чуть позже я догадалась купить учебник по рисованию акварельными красками для начинающих. И снова радость озарила лицо мамы.

Прошло полгода. Мама с увлечением продолжала рисовать. К моему удивлению, её картины были хороши. Так считала не только я и вся наша семья, но и многие знакомые. Но дело не в этом. Чудо было в том, что мама изменилась – она стала энергичнее, живее, бодрее, её

не покидало хорошее настроение, она смеялась, спорила, мечтала, рассказывала о своих планах. К этому времени мама, самостоятельно изучив учебник по рисованию, овладела разными техниками акварельной живописи. Её знания и умения были, конечно, несовершенны, но то, чему она научилась и что поняла, радовало её безмерно, а вместе с ней радовались и мы. И если первые её картины были похожи на рисунки пятилетнего ребёнка, то последние казались заманчивыми и привлекательными. Мама научилась особой технике абстрактной акварели, когда быстро рисуют по мокрому полотну – бумаге или ткани. Мама рисовала по влажной бумаге. В каждый момент этого увлекательного рисования требовалась точность и продуманность действий, потому что полотно быстро высыхало, отчего линии и мазки делались излишне чёткими. При правильной технике рисунок получался воздушный, лёгкий и слегка размытый, словно облачный, туманный, но именно в этой неопределённости, дымке была нежность, недосказанность, сказка.

– Танюша, посмотри, какой закат на реке у меня получился! – радовалась мама, показывая новый рисунок. – Летний вечер, над водой стелется туман, окутывая травы на берегу. Для оживления не хватает стайки птиц. Как ты считаешь?

– Я в восторге, – улыбалась я, глядя на счастливую маму.

– Дочка, а почему бы и тебе не попробовать рисовать? – как-то спросила она.

Я знала, что когда-нибудь она задаст этот вопрос, поэтому ответила, не задумываясь.

– Пока я не готова. Я работаю, и у меня просто нет времени.

Однажды мама не позвонила. Вначале я подумала, что может быть она, как полгода назад, увлеклась рисованием, но смутная тревога не покидала меня, и я позвонила Зое. Её телефон был занят, а через минуту позвонила она сама.

– Таня, приезжай, маме плохо. Что-то с сердцем. Я вызвала скорую.

Я успела. Маму, бледную, осунувшуюся, с посиневшими губами, на носилках вынесли из дома, положили на каталку в скорой, я села рядом. Инфаркт миокарда. Десять дней реанимации, долечивание в общей палате.

Через положенное время мама была дома, я ушла с работы и переехала к ней. Она как будто поправилась – понемногу что-то делала по дому, выходила на улицу посидеть на лавочке и поговорить с соседями, а через неделю после больницы взяла в руки кисть, но рисовала теперь недолго и не каждый день.

В тот день мама сидела и читала что-то. Вдруг она вскрикнула, резко побледнела и, потеряв сознание, упала на диван. Скорая не успела. Мамина рука до конца была в моей руке. Первое время я не могла смотреть её картины, которых за год накопилось немало. Когда же немного отпустило и стало легче дышать, я открыла папку и увидела две отдельно лежащие картины – первую и последнюю.

Лист бумаги на первой картине на одну треть был неравномерно покрыт зелёной краской, на две трети голубой с белым, и чуть сбоку от центра росло дерево, напоминающее берёзу. Получилось небо, поле и одинокое дерево.

На последней был восход солнца: розовато голубое небо, перья облаков, окрашенные позолотой солнца, и поле, на переднем плане которого – отцветающие воздушные одуванчики и над ними стайки парашютов-пушинок, летящих ввысь.

Братя

«Как некстати, ах, как некстати, – подумал Аркадий, но спохватился, – нет, что это я говорю, Тимофей мой родной брат, столько лет не виделись!»

Аркадий торопился в магазин купить к столу кое-какие продукты. Буквально час назад позвонил его брат Тимофей, который свалился как снег на голову, сказал, что проездом, хочет навестить, взглянуть, поговорить. Они не виделись почти одиннадцать лет.

«Сказал, придёт к трём часам. Останется ночевать? Или посидит и уйдёт? Уйдёт? Может... может, я тогда успею к Зое? Обещал же сегодня к семи вечера», – Аркадий представил себе Зою, её рыжие глаза, рыжие конопушки, рыжие непослушные волосы, представил себе её милую улыбку и ямочку на правой щеке, почему-то только на правой.

«Зоя, Зая... Зая моя», – шептал он, воображая, как придёт и обнимет её, такую тёплую и золотую, словно солнечный зайчик, который хочется схватить в ладони и не выпускать.

Он споткнулся и чуть не упал, вчера потеплело, снег подтаял, а сегодня подморозило, и лужицы на асфальте покрылись звонкой корочкой льда.

В магазине было небольшое кафе, у окна под раскидистой пальмой стояло несколько столиков, за одним из них сидел мальчик лет пяти с мамой, аппетитно пахло свежей выпечкой и кофе.

Аркадий взглянул на часы: «Время есть, выпью кофе и пойду домой».

Он сел за столик напротив мальчика с мамой, отпил глоток кофе: «Кофе был горячий, крепкий и сладкий», – вспомнил Аркадий известную фразу, но не закончил её, а засмотрелся на малыша, который воевал с котлетой, лежавшей на тарелке. Пышная белая котлета была покрыта румяной корочкой, и от неё исходил аппетитный запах.

«Из куриного мяса, – отметил Аркадий и сглотнул слюну, так захотелось ему попробовать эту котлету. – Кажется, здесь есть отдел кулинарии, надо и мне купить к столу таких котлет, дома только разогрею».

Между тем малыш склонился над котлетой, проткнул её вилкой, и из неё фонтанчиком брызнуло растопленное масло и угодило прямо ему в щёку. Мальчик испугался и захныкал, мама быстро открыла сумочку, вытащила из пакетика салфетку и стала вытирать масло с лица сына, приговаривая ласковые слова утешения.

Аркадий допил кофе и направился в отдел кулинарии. Высокая, статная продавщица вынесла поднос с большими пухлыми котлетами, прилепила к краю ценник с надписью «котлеты по-киевски» и выложила его на прилавок.

«Как хорошо Зоя делает эти котлеты, то ли чесноку много кладёт, то ли зелени, а может, сыра, но обязательно внутрь прячет кусочек масла, и так вкусно получается – пальчики оближешь», – подумал Аркадий. Купив приглянувшиеся котлеты, он заторопился домой.

Он был разведён, жил один, его десятилетняя дочка осталась с мамой. Старший брат его Тимофей в девяностые годы, как говорят сейчас, в лихие девяностые устроился работать в совместную российско-немецкую фирму, стал ездить в Германию – вначале в короткие командировки, потом стал задерживаться там надолго и наконец объявил, что уезжает насовсем. Тимофей был старше Аркадия на восемь лет, в год эмиграции ему было тридцать, и женат он ещё не был.

«Значит, сейчас ему сорок один, – подумал Аркадий, ставя на стол две рюмки и бутылку водки, – одиннадцать лет прошло, женился, конечно, дети есть».

Он поставил закуски, хлеб, минеральную воду.

«Пьёт ли он водку? Ничего, у меня в баре есть бутылочка хорошего коньяка, – вспомнил он и тут же спохватился: – ремонт. Ах, как не вовремя этот приезд Тимофея. Или не вовремя ремонт».

В квартире Аркадия неделю назад начался ремонт, и две комнаты выглядели как поле битвы после налёта вражеских войск – мебель вынесена и столпилась в холле и коридоре,

обои со стен содраны, пол застелен бумагой, у дверей сложены малярные инструменты, кисти, ведёрки с краской, шпаклёвкой, клеем.

«Где мне искать коньяк? Куда же я убрал его? – Аркадий вздохнул. – Ладно, водка есть. А может быть, Тимофей и вовсе не пьёт».

Единственной комнатой, где было более-менее уютно, осталась кухня.

Аркадий расставил посуду, заглянул в холодильник. На тарелке лежали пять котлет, которые предстояло лишь подогреть в микроволновке. Он посмотрел на часы, до обещанного визита брата осталось полчаса:

«Какой он стал? О чём говорить? Столько лет не виделись, отвыкли. А Зоя будет ждать. Позвонить ей и сказать, что не приду? Надолго ли приехал Тимофей?»

Аркадий сел за стол и задумался. Одиннадцать лет... Как получилось, что родные братья не виделись столь долго? Когда Тимофей уехал навсегда в другую страну, Аркадию было двадцать два, он год как окончил институт, начал работать, встретил свою будущую жену, готовились к свадьбе. За всё время разлуки братья лишь несколько раз перезванивались, и это были какие-то бессодержательные, отрывистые, короткие разговоры, последний раз – год назад. Тимофей позвонил и долго расспрашивал, где работает Аркадий, как давно и какой адрес места работы.

«Наверное, для анкеты», – подумал тогда Аркадий.

В памяти Аркадия всплыло, как родители отправили его первый раз в пионерский лагерь, ему семь лет, и как он скучал о маме и плакал по ночам, а воспитательница, добрая пожилая женщина, приводила Тимофея, который был в старшем отряде, и тот успокаивал Аркадия и поил тёплым молоком, его давала воспитательница. Брат сидел на кровати, гладил его по голове и шептал что-то тихое и ласковое.

Потом Аркадий вспомнил, как Тимофей катал его на багажнике большого дорожного велосипеда, и они заходили в магазин, держа в руке по десять копеек, которые мама дала, и покупали те, самые дешёвые шоколадные конфеты, как же они назывались...

Аркадий встал, подошёл к старинному зеркалу в коридоре, которое раньше вместе с тумбочкой, давно сломанной и выброшенной на помойку, составляло трюмо в родительской квартире, и это трюмо так любила мама и всегда прихорашивалась перед ним. Он постоял, всматриваясь в зеркало, как будто хотел увидеть что-то зыбкое, далёкое и родное, но на него смотрел среднего роста коренастый мужчина в очках и с аккуратно подстриженными усиками.

Звонок раздался неожиданно, он открыл дверь – на пороге стоял Тимофей.

– Входи, рад, рад тебе, – Аркадий неловко обнял брата, – ну, раздевайся.

– Я проездом, не мог не зайти, всё же столько лет, – Тимофей отстранился, – а ты не очень изменился, я смотрю, возмужал только. А я, брат, растолстел.

Аркадий оглядел брата: перед ним был высокий, лысый и полный мужчина с маленькими, живыми и внимательными глазами, одетый в помятые джинсы и фланелевую рубашку в клетку.

– Я с поезда, не переодевался, – словно извиняясь, сказал Тимофей и огляделся, – а ты, я вижу, ремонт затеял.

– Да, знал бы, что ты приедешь, приготовился, а сейчас вот такой погром у меня. Проходи в ванную, умойся и пойдём к столу, у меня всё готово. Осторожно, здесь банка с краской.

Братья сели за стол.

– Ну что, за встречу! – Аркадий поднял рюмку с водкой.

– За встречу, брат!

Зазвонил мобильник.

– Аркадий Ильич, – прораба Семёна было почти не слышно, – Аркадий Ильич, вы слышите? Мы ведь электропроводку будем менять, так?

– Так, Семён.

– Ну вот, докладываю вам, что цены в магазине на провода, выключатели, переключатели, дифавтоматы, розетки, на всё выросли, вы в курсе?

– В курсе.

– Так что, мне покупать? Я чеки принесу.

– Покупай, Семён.

– Угощайся, Тимофей, – Аркадий подвинул тарелку, – это у нас называется «селёдка под шубой», вы там за границей этого деликатеса и не знаете, наверное.

– Русские и у нас тоже делают такую селёдочку, – Тимофей положил себе на тарелку большой кусок угощения, попробовал. – Вкусно.

– Давай ещё по одной, – и не дождавшись ответа, Аркадий налил по полрюмки водки, – и снова за нас!

Не успел он договорить, как опять зазвонил мобильник.

– Аркадий Ильич, мы вчера договорились ставить дифавтоматы вместо УЗО и автоматов, так?

– Так, Семён.

– Это для уточнения, извините, а распределительный щит я уже купил.

– Хорошо.

– Слушай, замучил тебя этот прораб, – Тимофей засмеялся, – думаю, ещё позвонит.

Аркадий встал из-за стола и смущенно сказал:

– Ремонт – это стихийное бедствие. Я сейчас котлеты в микроволновке подогрею.

Через пять минут румяные, пышные, аппетитные котлеты лежали на тарелках.

Аркадий отломил вилкой кусочек котлеты, и тут с его мобильного раздался сигнал о пришедшей смс-ке, писала Зоя: «Котик, купи по дороге две бутылки «Нарзана», ключ у тебя есть, я задержусь минут на пятнадцать в салоне красоты – готовлю тебе сюрприз. Ты с ума сойдёшь! Твоя».

– Извини, Тимофей, это всё по поводу ремонта. Угощайся, котлеты вкусные, называются котлеты по-киевски.

– Аркадий Ильич, слоновой... – телефон неожиданно прервался.

– Что за слоновый? – вслух сказал Аркадий.

– Какие слоны? – переспросил Тимофей.

– Алло, алло, Аркадий Ильич, это всё я, Семён. Слоновой кости или белого цвета будут розетки и выключатели?

– Фу ты... подожди, Семён, не так быстро, – и, помедлив минуту, ответил. – Белые.

– Знаешь, давай есть твои котлеты по-киевски, а то совсем остынут, – с этими словами Тимофей склонился над тарелкой, воткнул вилку в котлету, янтарная струя растопленного масла брызнула и залила его рубашку большим жирным пятном.

– Извини, не предупредил, что внутри котлеты кусочек масла, он растаял и вот... подожди, сейчас отмою.

Аркадий вскочил, побежал в ванную, вернулся, держа в руке флакон с яркой этикеткой.

– Знаешь, ты лучше сними рубашку, у меня очиститель сильный, как бы не обжёт. Я тебе найду что-нибудь переодеться.

Тимофей снял рубашку, отдал её Аркадию и стоял растерянный, раскрасневшийся от еды и раздетый до пояса посреди кухни.

Аркадий полил прозрачной жидкостью из флакона масляное пятно:

– Пусть полежит. Так... где же все мои рубашки? Господи, с этим ремонтом ничего не найдёшь.

Он прошёл в холл, куда были выставлены шкафы из комнат, открыл одну дверцу, другую, выдвинул один, другой ящик, посмотрел на дверцу, прижатую книжным шкафом, задумался и вернулся на кухню.

– Извини, Тимофей, помоги книжный шкаф отодвинуть, он мешает достать рубашку.

Мужчины подошли к шкафу, заполненному книгами, и оба подумали одинаково – «двигать с книгами тяжело». Они молча переглянулись и стали убирать книги из шкафа на пол, Аркадий быстро, торопливо, Тимофей не спеша, с интересом разглядывая обложки.

И снова затрещала смс-ка от Зои: «Котик, забыла сказать, купи для Ларика в зоомагазине собачье угощение – косточку или хрящики какие-нибудь. Магазин, ты знаешь, находится в соседнем от моего подъезде. А то я Ларику сказала, что ты придёшь вечером, вот он и улётся у двери, ждёт тебя. Твоя».

– Что-то давно Семён не звонил, – улыбнулся Тимофей.

И как в воду глядел:

– Аркадий Ильич, мне перфоратор для штробления стен нужно купить, можно? Я все чеки вам принесу, как положено.

– Можно, конечно, можно. Только хороший купи, Семён, не китайский, договорились?

Наконец книги выложили, шкаф подвинули, и две полки с рубашками, джемперами стали доступны. Аркадий взял одну из рубашек, развернул, прикинул её на Тимофея – мала, брат был выше на полголовы и полнее. Он долго рылся на полках, перекалывал и перебирал свои вещи, в итоге вытащил какой-то старый поношенный свитер, но зато большой, который только и подошёл в конце концов Тимофею.

И тут Аркадий вспомнил о рубашке Тимофея, которую залил очистителем, он бросился в ванную и с ужасом увидел, что на месте жирного масляного пятна красовалась маленькая дырка, которая при натяжении ткани бессовестно расплзалась, становясь всё больше.

Он взял флакон с красивой этикеткой, поправил очки и прочёл: «Хлорсодержащий отбеливатель. Применять осторожно, выдерживать время воздействия препарата!»

«Откуда у меня этот отбеливатель? – подумал Аркадий и вспомнил, что принесла его Зоя, когда недавно стирала постельное белье. – Ну спасибо тебе, Зая моя!»

Он вздохнул и украдкой посмотрел на часы – а вдруг успеет всё-таки к своему рыжему солнечному чуду?

Уставшие братья сидели за столом, изредка обменивались тусклыми прерывистыми фразами и доедали котлеты, которые, словно в утешение, оказались на самом деле вкусными.

– Мне пора, – Тимофей встал из-за стола.

– Как пора? Так быстро?

– Что поделаешь, дела.

«А я даже не спросил, женат ли он, есть ли дети, но теперь уж поздно, надо торопиться», – подумал Аркадий.

В коридоре Тимофей задержался у старинного зеркала от трюмо, рассеянно глядя в одному ему ведомую или неведомую даль.

«Мамино трюмо, она любила прихорашиваться перед ним. Не буду говорить об этом...»

Аркадий, заметив далёкий взгляд брата, подумал: «Вспомнил ли он мамино трюмо? Не буду говорить об этом...»

Они вышли во двор, встали у подъезда, такси до вокзала ещё не приехало. Аркадий вновь вспомнил, как Тимофей катал его на багажнике дорожного велосипеда, как они заходили в магазин и покупали на двадцать копеек самые дешёвые, шоколадные на вкус конфеты.

– Ты помнишь, как катал меня на велосипеде, я сидел на багажнике, и мы заходили...

– Заходили в магазин и на двадцать копеек покупали конфеты, они были без фантиков, в развес, но совсем не липкие, и на эти деньги их было девять штук – чуть больше ста грамм. Мы брали по четыре, а последнюю делили пополам.

– Как же они назывались?

– Сейчас... Таёжные или южные? Нет, не могу вспомнить.

Приехало такси, братья обнялись, попрощались, Тимофей сел на заднее сиденье, машина медленно поехала.

– Вспомнил, вспомнил! – Аркадий побежал за машиной, почти догнал её, шофёр притормозил.

Тимофей открыл дверь и услышал:

– Кавказские, они назывались кавказские!

Счастливая улыбка озарила лица братьев.

Нюра

Её звали Нюра.

Так звали её жильцы большого многоквартирного дома на окраине города, звали с тех пор, как появились первые новосёлы, среди которых была и она. Было это давно, больше двадцати лет назад, и всё это время Нюра работала в местном ДЭЗе уборщицей. Она убирала то два, то три подъезда дома, в котором жила сама – мыла лифты, наводила чистоту на этажах, громыхала по утрам тележкой с мусором и отходами, которую везла в большие контейнеры, стоящие неподалеку, чистила тротуар от снега, грязи, льда, сгребала опавшие листья. Работы, что называется, хватало.

Лида, Лидия Михайловна, поселилась в том же доме вместе с Нюрой, часто видела её и хорошо знала. Встретившись, они любили побеседовать на злободневные темы – почему вдруг отключили горячую воду на несколько дней, почему новые лифты оказались такими никудашными, что ломаются чаще прежних, почему цены всё растут и растут, вот раньше, помнишь, даже погода была другой, лето – летом, зима – зимой, а сейчас иной год и не поймёшь, то ли осень на дворе, то ли весна, потому что, ты погляди только – декабрь, а газоны позеленели, и почки на сирени набухли.

Так они стояли и разговаривали, а потом разбегались по своим делам, заботам или торопились на работу – Лида бегом в детский сад, где всю жизнь работала воспитателем, а Нюра убираться.

Была Нюра маленькой, худенькой, шустрой, с мелкими, правильными чертами лица, вечно одетая в какую-то тёмную, балахонистую одежду, в какие-то немислимые халаты, фартуки и бесформенные куртки, а на голове платок, будто один и тот же всегда, и кудряшки светлые из-под него выбивались.

В последние годы в ДЭЗе стали выдавать спецодежду – аккуратные, по размеру, летние и зимние комплекты, состоящие из брюк и куртки, которые, как правило, были ядовитого зелёного цвета с желтой надписью на спине ДЭЗ№.

Нюру редко видели в другой одежде. Однажды летом, в районной поликлинике, её, в лёгком светлом платье, Лида просто не узнала – прошла мимо симпатичной, миниатюрной женщины средних лет, а оглянулась – Нюра.

Анна Павловна, так красиво звучало её полное имя.

Жила Нюра с мужем, который несколько лет назад перенёс инсульт, ходил с трудом, и вся забота и уход за ним легли на её плечи. Их единственный сын вырос, окончил институт, а потом, познакомившись с девушкой-узбечкой, уехал к ней, женился и остался там, в далёком,

незнакомом городе, и детей своих, мальчика и девочку, назвал красивыми, но чужими для Нюры именами.

Мысли о сыне и внуках, которых Нюра видела лишь в их редкие и недолгие приезды в гости, эти мысли всегда были горькими, и всегда заканчивались одинаково – сердечными каплями. Приехать к сыну в тот далёкий город Нюра не могла, интернетом не пользовалась, телефонные разговоры были недёшевы, а тоскливая, щемящая жалость не давала дышать, и Нюра переводила сыну всю свою зарплату уборщицы.

– Ничего, нам и двух пенсий хватает, – говорила она Лиде и добавляла, – да и много ли нам надо.

Дом, в котором они жили, вместе с другими, такими же большими высотными домами, образовал на окраине города микрорайон, окружённый многочисленными гаражами. Здесь, в гаражах, прижились бездомные собаки, в основном беспородные дворняжки, которых в народе называли дворянин, от слова двор.

По утрам, в поисках еды, собаки из гаражей кружились около помоек. Однажды одна из них оказалась рядом с Нюрой, которая в это время подкатила к контейнеру тележку с отходами.

Это был крупный, похожий на овчарку, пёс серебристо-серого окраса, с умной мордой, глубокими карими глазами и с длинным, сбившимся в клочья хвостом. Пёс встал неподалеку и, задрал нос, стал принюхиваться.

– Подожди, подожди, сейчас.

Нюра подняла брезентовую накидку, прикрывавшую отходы, и стала копаться в них в поисках чего-то подходящего. Хорошо, что на руках были толстые рукавицы, а то ведь и стёкла некоторые выбрасывают в мусоропровод. Наконец, она вытащила прозрачный пакет, в котором проглядывались куски сырой курицы, открыла его и понюхала:

– Пахнет нормально, – она отошла к стоящей рядом берёзе и, положив пакет на землю, открыла его, – ну иди, ешь.

Пёс поводит носом, приблизился и начал жадно есть.

Нюра знала, когда собаки едят, подходить и тревожить их нельзя. Она встала в стороне, наблюдая за завтраком нового знакомого, продлившимся буквально мгновение. Пёс облизывался и не уходил.

– Ещё хочешь?

Собака, словно поняв вопрос, вновь облизнулась.

Нюра поправила рукавицы, и, подойдя к тележке, стала перебирать мусор. Показался кусок колбасы, вытащила его. Пёс стоял рядом, ждал и взял угощение аккуратно, как дворянин. Съел мгновенно, а потом завилял хвостом и тьякнул:

– А-а-ав! А-а-ав!

– Молодец, поблагодарил. Можно тебя погладить?

Хвост собаки закрутился быстро, быстро, а на симпатичной мордочке расцвела улыбка.

– Ты хороший, хороший! – Нюра погладила собаку. – Как же тебя звать? Ты ведь не скажешь. Назову тебя Орлик. Как тебе это имя?

– А-а-ав! А-а-ав! – хвост вновь радостно закрутился.

– Ну вот и славно, Орлик. Приходи сюда вечером, я покормлю тебя. Придёшь?

– А-а-ав! А-а-ав!

Иногда отходы из мусоросборников в подъездах приходилось вывозить два раза в день, это было обычно в августе, сентябре, когда наступала пора арбузов, дынь, других фруктов и овощей. Вечером, закончив вторую смену, как говорила Нюра, она приготовила для Орлика целый пакет угощения, это были обрезки свежего мяса без костей – настоящее лакомство для собаки.

Орлик уже сидел у берёзы и ждал, а увидев Нюру, вскочил, подбежал и лизнул ей руку.
– Ты умница, Орлик! – Нюра положила перед собакой еду.

И вновь, как в прошлый раз, куски мяса исчезли молниеносно.

– Вот ещё что, специально для тебя купила, – Нюра достала из сумки пакет кефира и миску.

Ах, как он обрадовался, как захлёб выпил весь кефир, а потом стал так активно вылизывать пустую миску, что она переворачивалась как футбольный мяч.

– Я думала тебе на два раза хватит. Ладно, пей до конца, – Нюра вылила в миску оставшийся кефир. – А теперь, Орлик, пойдём погуляем в парке, ты же бегал здесь, знаешь. Поводок я не взяла, и ты должен меня слушаться.

А он и слушался! Слушался с радостью, не убежал, не отходил, а шёл чётко рядом, слегка прижимаясь к ноге и с улыбкой поглядывая время от времени на нового друга.

После прогулки Нюра привела Орлика домой, отмыла его, шерсть стала мягкой, а хвост пушистым. Утром они пошли на работу вместе. Орлик был рядом, когда Нюра мыла пол в лифтах и на этажах, когда мыла лестницы у подъездов, когда подметала тротуар и когда катила тележку с отходами.

Закончив все дела, она покормила Орлика и позвала домой, но сегодня домой он не пошёл, а улёгся у двери, ведущей в небольшое помещение, где находился мусоросборник. Здесь было чисто и тепло. Нюра постелила в углу старое одеяло, и Орлик понял – это его место. Иногда он ночевал здесь, иногда у Нюры, иногда бегал несколько дней неизвестно где, но возвращался всегда.

Так Нюра с мужем жили вместе с Орликом восемь лет.

Нюра подкармливала бездомных собак с тех пор, как поселилась здесь. Подкармливала она и кошек, которых раньше было много во дворе, они тоже были бездомные и жили в подвалах домов. Нюра разносила кошкам еду и оставляла её у небольших выходных отверстий из подвалов, так делали многие женщины. Но пришёл день, когда все отверстия замуровали кирпичом и бетоном, и кошки пропали. Бездомные кошки исчезли полностью и сразу во всех домах микрорайона, и больше их не было.

Подкармливала Нюра ещё ворон. Это началось давно, задолго до Орлика, она так рассказывала Лиде об этом:

– Как-то раз утром, после работы, иду я домой, и вдруг сзади как будто кто-то рукой по моей голове быстро провёл, у меня даже платок съехал. И вижу, надо мной низко-низко, почти касаясь, пролетела ворона, большая чёрная ворона. И главное, она не улетела, а вернулась и снова пролетела надо мной, и снова задела крылом голову. В руках у меня был пакет с едой для собак, я остановилась, смотрю, и ворона села на дерево, которое рядом было, и несколько раз громко прокричала «карр-карр». Я поняла, что она просит корм. Вот с тех пор оставляю еду воронам в одних и тех же местах, они помнят где и ждут меня каждое утро.

– А чем ты их кормишь? Хлебом, кашей, наверное?

– Нет, что ты! Они мясо любят, косточки рубленые, вот посмотри, – Нюра открыла пакет. В нём лежали заботливо порубленные мелкие кусочки курицы, колбасы, варёного мяса – всё это было собрано на помойке.

– Так что же, ты вначале домой приносишь эту еду?

– Приношу, выбираю, мою, потом мелко рублю. А как по-другому? Так они всё съедают, быстро, без остатка. А большой кусок они покусуют, покусуют, да и бросят, улетят, – помедлив, Нюра продолжила. – Я в журнале давно читала, что на первом месте по уму в животном мире обезьяны, потом дельфины, потом собаки, а на четвёртом вороны. Вороны – они очень умные.

Эту историю Нюра рассказывала Лиде часто, действующие лица менялись, но вороны были всегда, и всегда на четвёртом месте, в крайнем случае, на пятом.

Тот день начался как обычно. Нюра возилась с уборкой, Орлик крутился рядом, здоровый, жизнерадостный, красивый. После работы они пошли в парк рядом с домом. Была ранняя осень, синее, безбрежное, как море, небо, и падающие, зависающие в воздухе золотыми монетками листья берёз.

Нюра не видела море и часто, глядя на безмятежно голубое небо, думала, какое оно, море?

Она не была на море, она вообще никогда нигде не была. В детстве мама отправляла её в пионерский лагерь, и эти детские воспоминания о шумных походах, о весёлых песнях у костра, о звуке горна и о лесной речке грели её душу. Родственников в деревне у неё не было, как не было и дачи на шести сотках с помидорами и огурцами, с календулой и малиной, с осами над остывающим вишнёвым вареньем, с нарядной сорокой на заборе.

Поэтому так радовалась она ласковому ветру, осеннему парку и тихому солнечному дню, радовалась вместе с Орликом. Звонок был долгий и резкий, она открыла дверь.

– Нюра, там...

Она уже поняла, накинула куртку и выбежала с соседкой на улицу.

Около подъезда стояла легковая машина, кузов её был открыт, и там лежал Орлик.

Орлика отравили. Отравили сознательно и продуманно.

Мужчина из соседнего дома дал ему кусок колбасы, доверчивый Орлик съел этот кусок. И спустя буквально полчаса весь соседний дом сбежался на его страшный вой. Орлик мучился недолго. Нюра не успела.

Жильцы дома собрали деньги и отвезли тело Орлика на экспертизу, обнаруженная в желудке колбаса была отравлена, яд установлен. Отравителя знали.

Нюра болела дома, в больницу поехать не могла – кто будет ухаживать за мужем?

Потихоньку, через месяц, она стала выходить на улицу, но работать уже не могла. Струна, звучащая в душе тихой, радостной мелодией, оборвалась.

Ранним утром жильцы большого дома на окраине города часто видели, как худенькая, немолодая женщина кормит бездомных собак, её звали Нюра... Анна Павловна.

Хрюша

Прощаясь до следующего года, осень сделала в октябре царский подарок – преподнесла не только роскошь золотых листьев, но и по-летнему тёплые солнечные дни.

В городских парках было многолюдно. Сидя на скамейках, степенно беседовали старушки, и, как воробы, щебетали стайки девушек и юношей. По аллеям гуляли мамы с детьми, дамы с собачками, влюблённые за руку и супруги под руку, а малыши собирали букеты осенних листьев.

Бабушка и пятилетняя Соня шли по отдалённой аллее парка к дубовой рощице, где в эту пору земля обычно была усыпана желудями.

– Мы в детском саду из желудей делали человечков и собачку. Человечки смешные такие получаются! Только нужно, чтобы у желудей были шляпки. Бабушка, ты видела шляпки у желудей? Они как крышечки, правда?

– Они действительно похожи на крышечки. Из желудей можно много всего интересного сделать, особенно если добавить... – бабушка задумалась, – ну, например, какую-нибудь пышную травку.

– Придумала, я из травки сделаю косичку! – обрадовалась девочка, а через мгновение удивлённо воскликнула. – Бабушка, смотри, там гриб вырос! Большой, белый. Как шампу... шампунь, нет, как же? Шампу...

– Шампиньон.

- Можно я его сорву?
- Какая ты глазастая, а я не вижу.
- Иди за мной, бабушка, – отбежав от тропинки, Соня остановилась. – Это не гриб. Это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.